

ТЕАТРУ «ТРЕХ МУЗ» ЛЮДМИЛЫ ГРИБОВОЙ — 25 ЛЕТ! THEATER «THREE MUSES» LYUDMILA GRIBOVA — 25 YEARS!

МИХАЙЛОВ ИЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВИЧ
MIKHAILOV ILYA EVGENIEVICH

член Союза журналистов России
member of the Union of Journalists of Russia

Это театр, оживляющий книги, театр-рассказчик. Актеры не перевоплощаются здесь в героев произведений. Они рассказывают, обрисовывая их жизнь, и предоставляют зрителю возможность с помощью воображения домыслить картины происходящего. Театр «Трех Муз» — образовательный, камерный, музыкальный, передвижной театр. В своих спектаклях и композициях театр сочетает музыку, песню, художественное слово, искусство живописи, графики, художественной фотографии. В репертуаре театра более трех десятка спектаклей!

Сезон 2021–2022 гг. стал для театра юбилейным. Театр «Трех Муз» отметил 25 лет своей творческой и сценической деятельности. На закрытии сезона мы взяли интервью у его художественного руководителя Людмилы Дмитриевны Грибовой¹.

¹ Художественный руководитель Театра «Трех Муз» Людмила Грибова хорошо известна в профессиональной среде и как композитор. Она — автор и исполнитель многих десятков песен. Среди них: «Вспоминаю, и думы уносятся...», «С тобой расстанемся уж поздно вечером...», «Не станем, братцы, сгущать вам краски...», «Ах, прошлое, прошлое, где ты?..», «Ну, что ты мама, ничего не надо...», «Был ветер, и пенилось море...», «Прикажи попробуй солнцу — не свети...» многие другие. Людмилой Грибовой записаны два диска авторских песен: «Миражи» и «Москва-Париж».

— Людмила Дмитриевна, мы знакомы уже пять лет. И каждый раз хочется вновь и вновь приходить к вам, в ваш театр, видеть ваши спектакли. И я не один такой зритель. Раскройте секрет такого постоянства зрительской аудитории к вам?

— Секрет каждого человека в его притягательности. Скорее всего к свету, к лучам тянутся те, кто хотят этого света и тепла. Поэтому, если я представляю собой эту свечу, это пламя, то к нему и тянутся, наверное. В пламени главное что? Тепло. Когда человек приходит к нам в театр, он чувствует, что согрет теплом, вниманием, ведь ему хочется в этой жизни нашей непростой быть согретым, чтобы к нему лично, а не просто к залу, внимание

Автор исторических романов Адель Алексеева пишет о Л. Грибовой: «Ее песни жаждут тишины, это в то время, когда кажется все ансамбли соревнуются в силе звука, когда даже в театрах музыка словно ставит целью возбудить интерес к спектаклю, а то и пробудить от скучного зрелища. Есть такое слово — «тишизм», вот оно-то и годится для Людмилы Грибовой. Причина такого милого для нынешних дней явления — в природе дарования Людмилы Грибовой, оно у нее чисто лирическое. Ей в радость слушать голоса природы, разгадывать загадки сердца, внимать души глубинам и, может быть, более всего — гадать над образами сложных и умных наших современниц! Собственно, она и сама относится к таковым».

было. И это все достижимо в нашем театре благодаря его камерности. Ну и свет естественно потому, что мы несем классическую литературу, а в ней заключена великая сила, она обладает великим светом.

— Кто вы — Джулия Ламберт, Анастасия Вяльцева..?

— Да нет... Ближе всего, наверно, мое творчество к театру Елены Камбуровой. Ближе, потому что спектакли авторские, песни в спектаклях в большинстве своем авторские. Поэтому скорее всего так. Но тем не менее у нас (*Театр «Трех Муз» — здесь и далее выделено автором*) есть и своя особенность, потому что мы не имеем своей площадки такой, как у театра «Музыки и поэзии» Елены Камбуровой. Мы передвижники. Я вначале расстраивалась. Нам предлагали площадку, но я потом поняла, что скорее всего мы будем к этому привязаны, и наша уникальная подвижность будет нарушена. А благодаря этой подвижности нас знают во многих районах Москвы, нас знают за ее пределами, и мы не подчиняемся никаким административным организациям, поскольку с деньгами мы тоже не связаны. Поэтому мы похожи и не похожи. Может быть что-то подобное есть, я просто этого не знаю. При этом наш театр камерный и мы склонны к общению со зрителями, не академичны. Так что мы — передвижники и это одна из особенностей нашего театра.

— В театр, и к вам лично, постоянно приходят актеры, музыканты, желающие играть в театре, пребывать в его творческой атмосфере, в том числе — в воодушевленной и творческой атмосфере репетиционного процесса. Тем не менее состав труппы на удивление постоянен и, я даже бы сказал, консервативен.

— В театр приходит много народу, и долгое время у нас было несколько составов. И юношеский состав (мы делали детские спектакли), и взрослый состав. Но дело в том, что разбрасываться на все четыре стороны тоже нельзя. Поэтому особенности нашего театра (а самая главная особенность в том, что мы — бессеребрянники), кого-то привлекает, а кого-то совсем даже не привлекает (*улыбаются*), поэтому на редкость удивительно, что есть люди, которые согласны работать, получают от этого удовольствие. Многие начинают, а потом не выдерживают, отпадают, остаются только приверженные самому чуду искусства.

Поэтому состав и не столь велик, но, с другой стороны, я считаю, что у нас основной состав восемь человек, и его хватает для того, чтобы нам воплотить в рамках спектаклей наши идеи, именно в рамках того, как мы видим, потому что театр и само представление ведь не обычное (об этом отдельно нужно говорить). Это и не спектакль, и не литературно-музыкальная композиция. Это особенные спектакли, и те, кто у нас играет, они должны быть и актерами и, более того, мастерами художественного слова. С художественным словом (*улыбаются*) сегодня очень слабо, особенно у молодежи. Поэтому здесь нужно отбирать очень четко, и несколько раз просто мои актеры отбраковывали тех, кого я выбирала. Вот поэтому пока я останавливаюсь на том составе, который есть, и мы двигаемся вглубь, но не в ширь.

— Вы много играете в библиотеках. Пространство читальных залов библиотек (и не только московских) становится вашей сценической площадкой. Чем вам так близок камерный формат сцены?

— Я называю свой театр библиотечным театром именно потому, что в рамках библиотек можно сделать все то, о чем я говорила. На сегодняшний день функция клуба перешла к библиотеке. И если раньше выпускались и клубные работники, и библиотекари, которые работали каждый в своей сфере, то сегодня всем занимается библиотекарь. Он организует публику, он устраивает какие-то вечера, он устраивает культурно-массовые мероприятия в библиотеке. При этом, я не понимаю, куда деваются культработники и есть ли они вообще, потому что они — специалисты именно этого конкретного профиля. Но надо сказать, что в такой ситуации библиотекари в грязь лицом не ударили. Они взяли это зная и достойно его понесли. Поэтому все началось именно с того, что нас пригласили в библиотеку как репетиционную площадку, и одновременно с этим мы ежемесячно в этой библиотеке показывали наши спектакли.

Это было на Проспекте Мира в библиотеке Пабло Неруды¹, мы там работали долгое время, и параллельно с этой библиотекой мы работали в других. И при этом сотрудничестве, покуда работало ЦБС, какие-то небольшие деньги на мероприятия выделялись. Особенно активная работа у

¹ Библиотека № 62 им. Пабло Неруды Алексеевского района на северо-востоке Москвы.

нас была с Измайловским районом. И не было ни одной библиотеки, где бы не знали Театр «Трех Муз». Причем благодаря этому сотрудничеству с библиотеками нам были заказаны многие спектакли к юбилеям поэтов, писателей. И создаваемые нами авторские спектакли потом во всем районе исполнялись на разных площадках. Это был такой период, в общем довольно плодотворный. А на сегодняшний день библиотеки остались, а средств не осталось никаких. Но тем не менее публика собирается и очень любит нас. Поэтому мы благотворительно, но все-таки работаем в библиотеках среди социально, скажем так, не очень обеспеченных людей. Работаем конечно и в школах, везде, но более всего, конечно, в библиотеках, ну и в музеях. Точно также, мы сейчас будем выезжать, будем работать и в центральных библиотеках, и научных библиотеках, например, в Ярославле, Костроме. И именно библиотеки на сегодняшний день самые благоприятные точки, где нужна именно русская классика, куда люди с удовольствием приходят, понимают на что они приходят, и мы с удовольствием с ними взаимодействуем в самых различных сценических формах.

— *Расскажите о ваших музыкантах, актерах, интересных личностях, с которыми вам доводилось встречаться.*

— Ну что рассказать... Я начала как автор-исполнитель. Потом стала к музыкальным произведениям, к песням добавлять чтение каких-то литературных отрывков, потом поняла, что мне не хватает музыкального наполнения. Встретила двух замечательных альтистов, встретила я их в среде авторской песни, поскольку я тогда в основном пела, а театра еще не было. Вот, встретила Надежду Кузьмину, — она прекрасно работает с авторами-исполнителями и до сегодняшнего дня, и Олега Буляндру, тоже альтиста. Затем появились и пианисты, были балалаечники. В общем, поскольку у нас были какие-то государственные средства, то мы могли спокойно варьировать и брать всех музыкантов. Гитаристов было несколько: появился Николай Осипов, просто блестящий гитарист-шестиструнный. Вот с фортепиано у нас сперва было не очень благополучно. Но потом у нас появились несколько хороших пианистов: Вадим Головин, вы (*улыбается*) тоже у нас прекрасно играли. Когда мы делали русские народные программы, у нас были разные балалаечники. И все это происходило так: после

спектакля подходят какие-то люди, начинаем знакомиться и появляется вот такая связь, и появляется сотрудничество.

Надежда Кузьмина¹:

— Я сотрудничаю с театром Людмилой Грибовой уже 20 лет. Мне вообще-то очень нравятся путешествия. Я сама люблю путешествовать, и, наверное, самое яркое впечатление для меня — наша поездка с театром на Новую Землю, где мы выступали с концертами для военнослужащих. И было очень трогательно, например, когда после нашего концерта нам преподнесли букетики цветов, которые там растут. И вообще хочу сказать, почему я люблю гастроли. Не только потому, что я люблю путешествовать, но главное — мы встречаемся с замечательными людьми. Мы очень много путешествовали с театром: были поездки и в Ковров, и Муром, Владимир, в Костромскую область с ее множеством городов. И самые большие впечатления оставили именно наши слушатели, которые тепло нас встречали, потом обязательно садились за стол все вместе, беседовали, общались.

Почему меня привлекает игра в театре? Тем же самым, о чем Людмила говорила: это камерность, когда глаза зрителя, слушателя совсем рядом. И еще важно, что я очень люблю импровизировать. У меня максимум что записано в нотах — вступление. Остальное идет импровизация, а импровизация — это прежде всего взаимодействие исполнителей друг с другом, взаимопонимание, взаимочувствование. Иногда спрашивают: «А вы, наверно, долго репетировали?» Но здесь дело не в репетиции, а в том, что мы хорошо друг друга понимаем и чувствуем. Да, у нас театр музыки, живописи и поэзии. Музыка, конечно, играет немаловажную роль. Это песни Людмилы Грибовой, которые она же сама и сочиняет. Есть и романсы, которые тоже любимы. Кстати, романсы мне нравится, потому что у меня их пела мама, я с детства слышала этот жанр. И поэтому жанр романса оказался мне близок. Людмила тоже сочиняет многие песни в этом жанре. Можно сказать, что это жанр именно русского романса, он чувствуется и в русской песне.

¹ Надежда Кузьмина — лауреат «Артиады народов России», музыкант Театра «Трех Муз», ведущая музыкального салона «Надежда».

— Людмила Дмитриевна, согласны ли вы с тем, что Театр «Трех Муз» является разновидностью музыкально-литературной гостиной, формата, хорошо известного и любимого читателями библиотек? В чем его особенности по сравнению с классической гостиной (салон) или это совсем другое?

— Я бы сказала, что это не совсем гостиная. Когда я задумалась над тем, что более всего подходит на наш театр, то ближе всего, наверное, он к домашним театрам XIX века, когда играли просто, когда не задумывались, насколько это эффектно, и, в то же время, все было по-домашнему, камерно. Среди этих домашних театров были свои лидеры, свои профессиональные исполнители, но все это было с любовью, потому что зрители смотрели на своих близких, и было как-то особенно приятно видеть родного человека, который играет чью-то роль.

И это еще похоже на домашние вечерние чтения, потому что довольно часто люди собирались по вечерам и читали Пушкина «Евгения Онегина», романы Достоевского. Выходившей литературы было не так много, но тем не менее... Не было ни радио, ни телевидения, а чтения были очень популярны, в это время люди сближались. Вот они сидели за столом, кто-то читал, возможно, это был один кто-то, профессионально читающий, а возможно эту книгу передавали и дальше... Вот от этого чтения домашнего, может быть, сохранилось то, что в течение части спектакля у нас актеры как бы не выпускают листка из рук, они, с одной стороны, читают по этому листку, а при этом, с другой стороны, импровизируют. И это несколько не воспрещается ни музыкантам, ни актерам. Потому что на это зрители смотрят именно с любовью. Вообще, главное то, что у нас делается то же, что делалось между близкими людьми в домашнем театре, которые понимали и любили друг друга. Вот эта атмосфера и наполняет наш театр. Что касается гостиной, то она ближе к академической форме, в то время как театр — к камерно-домашней.

— В течение последних трех лет вы сыграли серию спектаклей в библиотеке № 181 на юго-западе Москвы для самых что ни на есть коренных жителей. И вы очень лестно отзывались об этой аудитории. Чем вам так полюбились «зюзицы» и «котловчане»?¹

¹ Жители районов Зюзино и Котловка юго-западного административного округа города Москвы.

— Ну, вот как раз к тому, о чем я сказала только что: такие удивительно теплые отношения. Там, где мы выступаем, мы не просто выступаем и уезжаем. Мы остаемся друзьями с людьми, с которыми мы встречаемся. К этим людям, кстати говоря, вы нас привели (улыбается) и сказали, что это чудесные замечательные люди. Это действительно так. С удовольствием встречают, и после спектакля всегда идет разговор за чаем, иногда обсуждение того, что произошло, как и что им понравилось, что бы им хотелось. И это не только в этой библиотеке. Я считаю, что у нас, практически, везде так. Куда бы мы не приезжали, мы оставляли там друзей. К этим друзьям мы возвращаемся вновь.

— Литературная основа спектаклей театра всегда качественная и высокохудожественная. Каким образом вы проводите отбор литературного материала?

— Это то, что называется «творчество». Сначала, что называется, я собираю материал в корзину, например, на тему «Жены декабристов». Нужно было срочно за два месяца превратить тему и материал в спектакль. Тема для меня, как и для всякого, известна поверхностно. Поэтому всю литературу, которую я только нашла, я пересмотрела, перечитала насколько это можно, что-то глубже, что-то менее подробно. Но в результате я поняла, что нужно выбрать какой-то стержневой ход, чтобы весь спектакль зазвучал.

Это чисто творческий процесс, когда над каждым спектаклем приходится, что называется, биться, чтобы он стал не просто литературно-музыкальной композицией, а именно спектаклем. Должен быть сюжет, должна быть завязка, конфликт, то есть обязательно должна быть драматургия как и положено в спектакле. Поэтому, сперва весь собранный материал начинает «гулять в голове», постепенно превращаясь в какой-нибудь из вариантов сценария. Это просто как река течет, пока она не находит свое настоящее русло. Также как песня пишется. Сколько мелодий возникает, пока наконец выкристаллизуется самое главное! Так и здесь. Возникает тот самый ход, и на этот ход моментально нанизывается уже сюжет. Вот таким образом возникает спектакль.

— Ваш театр вышел из 1990-х годов XX века и вошел в 2020-е годы века XXI. Как вы видите преломление творческой, репертуарной, литературной парадигмы театра в общем нерве современности?

— Наверно, я ничего нового здесь не открою, потому что есть ценности непреходящие, и есть ценности преходящие. Я изначально для себя выбрала именно ценности непреходящие, хотя театр помимо того, что он занимается созданием спектаклей, участвует и в фестивалях, и в конкурсах авторской песни, где мы находим современные темы, мотивы. И в какое бы место мы не приехали, находим там совершенно удивительных творческих людей, с которыми сотрудничаем.

Вот, например, мы приехали в Ярославль, выступали во Дворце культуры Добрынина, и вдруг подходит такой интересный человек. В библиотеке он вначале работал то ли сторожем, то ли еще кем-то, но главное, что он приходится братом очень известному во всем Ярославле борисоглебскому поэту Константину Васильеву, потрясающий сборник которого был им выпущен. Он познакомил нас с творчеством этого удивительного поэта. И мы узнали, что в Ярославле уже несколько лет проводятся васильевские фестивали. Открыв его удивительно философские стихи, я поняла, что это личность достойная большого уважения, и наверняка войдет в золотой пласт русской литературы. Мы подготовили к фестивалю, поскольку были не в единственном числе, небольшой спектакль. Я написала музыку на стихи Константина Васильева. Создали литературную часть к этому спектаклю, сделали видеочасть. Получился замечательный спектакль. Вот так, возможно, и рождаются некоторые современные какие-то спектакли.

Когда мы приехали в Кострому, то, я не знаю уж какие судьбоносные пути, но привели нас к человеку одного ранга с Булатом Окуджавой, закончившим с ним в одно время литературный институт, к Владимиру Леоновичу¹. Удивительный поэт, переводчик, с ним я работала до самой его смерти. Этот человек руководил поэтическим клубом «Магистраль» в музее Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, и к нему, и под его крыло приходили все: и Бэлла Ахмадулина, и многие другие. Это был удивительный человек. И поскольку я с ним работала, то он познакомил меня со многими московскими (а он московский и арбатский поэт, уехавший в Кострому на родину родителей) замечательными поэтами и писателями. Выступая здесь, в Центральном доме архитектора, мы делали его программу. Это к тому я говорю, что современ-

ность вот так врывается в жизнь твоего театра и такие чудесные люди приходят в твою судьбу.

— *Расскажите о ваших спектаклях,— какую они проходили эволюцию в эти годы, и как она проходила?*

— Спектакли начинались с того, что со мной поначалу работали самодеятельные актеры. Затем стали появляться профессиональные и актеры, и дикторы радио, телевидения, и вообще состав как бы менялся. Я подходила к решению спектаклей очень широко, хотелось показать очень много. Но нас невольно поставили в рамки. В школах, например, сказали — 45 минут, ну, с переменной — 1 час. И пожилые люди не могут активно воспринимать спектакль дольше этого времени. Поэтому постепенно мы стали делать сюжеты более компактно, но в нескольких сериях. Рамки сузились, а рассказать надо все-таки побольше. Поэтому появился еще один человечек Маша Никонова².

С помощью каких-то видеоматериалов мы обогащаем спектакль. Сегодня, например, показали фрагменты фильма «А зори здесь тихие» и сразу попали в историю женской судьбы³. Вот они, женщины. Вот они — на войне. И тогда не надо ничего объяснять... И дальше можно уже спокойно вести рассказ о том, что такое любовь и война, и как это все было. Какие-то фотографии того времени, какие-то портреты, сюжеты... Видеоряд стал наполнять спектакль и делать то, что просто театральным действием нам пришлось бы добиваться в течение нескольких серий, а так у нас получилось более компактное, и в то же время более плотное отражение того, что мы хотели. Это у нас произошло такое вот изменение.

Вначале к каждому спектаклю у нас было только два портрета, например, Александра Сергеевича Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой, которые нам подарили. Затем я стала заказывать портреты художникам, и в спектаклях стали появляться авторские портреты — Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Ивана Бунина, практически всех героев наших спектаклей. Если не удавалось срочно сделать что-то, то мы использовали какую-то репродукцию. Репродукция сейчас осталась одна — это Прасковья Жемчугова. Все остальное у нас подлинные портреты.

² Мария Никонова — технический директор Театра «Трех Муз», звукооператор.

³ Интервью было взято после спектакля «Любовь и война» о жизни и творчестве советской поэтессы Юлии Друниной.

¹ Владимир Николаевич Леонович (1933-2014) — советский и российский поэт, переводчик.

— Думаю, из нашего с вами разговора читателю уже немного ясна суть сегодняшнего Театра «Трех Муз», как и сама его сущность. А что конкретно для вас значит этот театр все эти 25 лет?

— Это очень хороший вопрос. Все что связано с театром изначально было у меня в подсознании. Была авторская песня. Да, мне это нравилось, и у меня более трехсот своих авторских песен, я много выступала. И вот постепенно образ будущего начал складываться и когда уже театр практически выкристаллизовался, и я поняла, что это уже театр, его надо как-то озаглавить. Мы уже начали делать спектакли, это все еще никак не называлось, и театром не называлось. И я вдруг поняла: что-то было в моей жизни в детстве (я однажды уже в одном интервью говорила об этом). Вспомнилось, что с пяти лет я в своем детском дворике, со всей мелюзгой, с которой там гуляла, уже тогда делала спектакли. На бельевой веревке вешали простыни. Это был наш занавес. Он раздвигался, и все дети крутились вокруг меня. Я из них делала трех мушкетеров, вместо лошадей были велосипеды, выезжали на этих велосипедах. Что мы там вытворяли! Из дома я вытаскивала все, что под спудом лежало, пока мама отсутствовала, то есть туфли, простыни, в которые мы кутались и изображали каких-то там... не знаю, персонажей. В общем, уже в самом детстве у меня был театр. Все ждали его, и как только я выходила на улицу, говорили: «Люд, ну давай дальше, что мы там будем дальше делать, ну...» И вот мы репетировали. Мы жили в бараке, между П-образными бараками была площадка, на которой висело белье. Все выставляли свои стулья, я объявляла, раскрывала простыни и начинался детский спектакль.

Потом мы получили дачу, и на этой даче я повторила то же самое. Те же простыни, та же веревка, правда, там мы уже какие-то коврики вешали. И, так сказать, уже было цивилизованней. Позади был пруд, и на фоне этого пруда, между прудом и занавесом происходили спектакли. В 10 лет все это закончилось. Я выросла, все это ушло и забылось. А когда я начала понимать, что у меня «возник» действительно театр, я подумал, что там, на небесах, давно это было уже сказано. Это мое направление. Я закончила медицинское училище, закончила музыкальную школу по классу фортепиано, дирижерско-хоровое отделение института, социальный университет, закончила аспирантуру, преподавала там, я социолог, кандидат социологических наук. А на самом деле мое призвание —

именно это. И когда уже «возник», «был на руках» этот театр, я его по-настоящему увидела: вот такой он маленький, вот такой камерный он, библиотечный, он такой, где «душа с душой говорит». Я поняла, что вышла на свою линию. И надо по ней идти дальше.

— Какие планы театра на новый 26-й сезон?

— Первое и самое главное то, что я очень долго не решалась, что называется, «поднять руку» и сделать спектакль по Ахматовой. Я к этому долго подбиралась, потому что Петербург — особая жизнь, особая аура. В Питере у меня живет брат. И я ездила туда, погружалась в ахматовскую тему. Вот теперь мне точно также предстоит погрузиться в жизнь и творчество Пастернака, я на это тоже еще никак не решусь. Из главных идей — Борис Пастернак и Александр Блок. Это две такие глыбы в зачатке. Уже набраны какие-то материалы. И еще хочется поработать над Игорем Северянином. Вот три имени, о которых я могу сейчас уже сказать и заявить об этом.

8 мая 2022 г.

Поздравляем актеров и музыкантов Театра «Трех Муз»: Людмилу Грибову и Сергея Пименова, Галину Калашникову и Владимира Прячина, Алексея Сахарова, Надежду Кузьмину, Евгения Травина, Олега Даниленко, Василия Яносова с юбилеем!

Театру «Трех Муз» браво!

ТЕАТРУ «ТРЕХ МУЗ» ЛЮДМИЛЫ ГРИБОВОЙ — 25 ЛЕТ!

МБУК «Централизованная клубная система»

Клуб «Заречье»

19 мая 14.00

«Театр трех муз»

руководитель Людмила Грибова

Пушкин

в воспоминаниях друзей

Литературно-музыкальный спектакль

Вход свободный